

ЯВЛЕНИЕ МЕТАПРОЗЫ В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ИСКАНИЙ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

© О.О.Осовский

Статья посвящена изучению явления метапрозы в современном литературоведении, автором проанализированы различные точки зрения российских и западных ученых, определена модель научного описания метапрозаического компонента в литературном произведении.

Ключевые слова: метапроза, метаповествование, англоязычное литературоведение, постструктурализм.

Термин "метапроза" достаточно прочно вошел в научный аппарат современного российско-го литературоведения [См.: 1; 2; 3; 4; 5]. В то же время нельзя утверждать, что в отечественной гуманитарной науке существует его однозначное толкование, а многочисленные опыты его использования в теоретико- и историко-литературных построениях не вызывают вопросов как методологического, так и сугубо практического характера. Соответственно, возникает необходимость в определении сущностных характеристик данного феномена, его методологических истоков, историко-литературного контекста его возникновения, основополагающих трактовок и сегодняшнего наполнения и понимания как самого термина, так и обозначаемого им круга явлений, а также – в силу специфики самого явления – обоснованности применения теории метапрозы к русской литературе XX века.

Как показывает анализ новейших литературоведческих словарей [3; 6; 9], понятие "метапроза" до сих пор не входит в круг общепринятых литературоведческих терминов и, как следствие, не имеет четкой научной дефиниции. Так, в трактовке В.Г. Зусевой оно фактически выступает синонимом термина "метаповествование", обозначающего ряд взаимосвязанных явлений: "1) в широком смысле синоним понятия "метапроза", обобщенное название эпических *произведений*, принадлежащих к разным *жанрам* и включающих метарефлексию, 2) в узком и более точном значении изложение повествователем (рассказчиком) некоторого события или ряда событий, подвергающее рефлексии самое себя и подразумевающее нарушение границы между "внутренним миром произведения" (действительностью *героев*) и миром литературного творчества.

М<етаповествовние> во втором значении не только выполняет посреднические функции между *читателем* и миром персонажей, но и направлено на разрушение автономности послед-

него. Оно создается рядом *приемов*, среди которых ссылки повествователя на литературную традицию или источники своего рассказа, обращения к читателю, оценки тех или иных персонажей, указания на отдельный авторский ход или сюжетный поворот и т.д. При М<етаповествовнии> *событие рассказывания* становится собственной *темой*, ослабляется миметическая установка и создается особый эффект полной творческой свободы *автора*, доходящей до игровой случайности его мотивировок. Таким образом, акцентируется сознательное формирование текста *автором* и рождается традиционное для М<етаповествовния> противоречивое тождество двух авторских ипостасей: "историка", который лишь фиксирует реальность и зависит в своем повествовании от объективного протекания событий, и "творца", по собственной воле и разумению создающего условную реальность мира героев. Возникает и ряд других тождеств-противоречий мира героев и авторской действительности, свободы, понятой как игра случая или непредсказуемая стихия, и умышленной и предвидимой необходимости (как в судьбах героев, так и в самом событии рассказывания); "жизненности" и "литературности" в системе персонажей" [9: 119]. Автор определения, делая попытку уйти от необходимости толкования понятия "метапроза", фактически не только констатирует его существование, но и предлагает узкую трактовку в виде второго значения термина "метаповествование". Итогом такого подхода становится несколько упрощенная трактовка еще одного понятия, близкого понятию "метапроза". Речь идет о зафиксированном прежде всего французским литературоведением и гуманитаристикой понятии "метарассказ", интерпретация которого была предложена И.П.Ильиным в энциклопедии "Западное литературоведение XX века" [3: 251-253].

В связи с тем, что понятие метапрозы впервые появляется в работах западных литературоведов, обосновавших его теоретический аспект и

историко-литературную составляющую еще в 1970-1980-е годы, очевидна необходимость краткого анализа того, как формируется теория метапрозы в англоязычном литературоведении данного периода. Сам термин "метапроза" принадлежит, по мнению ряда теоретиков постмодернизма, известному американскому писателю, литературоведу и литературному критику Уильяму Х.Гэссу. Следуя в своих художественных экспериментах и литературно-теоретических построениях за В.Набоковым и Д.Бартом, писатель, как считается, впервые упомянул термин "metafiction" в главе "Философия и форма повествования" в своей книге "Проза и фигуры жизни": "many of the so-called antinovels are really metafiction" [10: 25], т.е. "многие так называемые антироманы в действительности представляют собой **метаповествования**" (выделено нами – О.О.). Обращает на себя внимание принципиальная невозможность развести понятия "метапроза" и "метаповествование" у Гэсса, что делает его приоритет в области теории метапрозы достаточно условным.

Одной из первых целостную концепцию метапрозы как особого типа повествования предложила американская исследовательница Патриция Во в книге "Метапроза: теория и практика литературы самосознания" (1984). Практически одновременно с ней теоретическое обоснование метапрозаических аспектов постмодернистского повествования предложила канадская исследовательница Линда Хатчен в своих монографиях "Нарциссическое повествование: метапрозаический парадокс" (1980), "Теория пародии: учение о художественных формах в XX веке" (1985), "Поэтика постмодернизма: история, теория, проза" (1988), "Политика постмодернизма" (1989). Именно Л.Хатчен в 1980 году дает следующую дефиницию понятия "метапроза": "Проза о прозе – это проза, которая включает в себя комментарий о собственном повествовании и/или языковой идентичности" [11: 1]. Несколько лет спустя П.Во предложила иное, как представляется, более специфицированное, определение: "Метапроза – это термин, которым определяется часть литературного творчества, осознанно и систематически привлекающая внимание к собственному статусу художественного произведения для того, чтобы задаться вопросами о взаимоотношении вымысла и реальности" [16: 2].

Нельзя не заметить, что разрабатывавшаяся ведущими представителями постструктуралистского литературоведения теория метапрозы органично включила в себя понятие саморефлексии, тем самым подчеркнув изначальную заложенность в повествовательной стратегии опреде-

ленного типа сфокусированности на себе самой (метапрозаической стратегии). Отсюда вытекает уместность отнесения к числу метапрозаических компонентов таких хорошо известных литературных категорий и приемов, как ирония/самоирония, пародия/автопародия, биографичность/автобиографичность и ряд других.

Соответственно, среди авторов, в творчестве которых метапрозаичность представляет собой основополагающую тенденцию либо очевидное явление, подавляющее большинство западных литературоведов называют исторически неоднородный, но вполне предсказуемый набор писательских имен: М.Сервантес, Л.Стерн, представители немецкого романтизма, У.М.Теккерей, Д.Джойс, В.В.Набоков, М.Пруст, Т.Манн, С.Беккет, Х.Л.Борхес, И.Кальвино, Д.Барт, Д.Фаулз, Д.Хеллер, Н.Мейлер, К.Воннегут, Д.Лодж, У.Эко.

Заметим, что литературная практика этих писателей в свое время оказалась чрезвычайно продуктивной для российского литературного сознания: в эпоху перехода от жестко структурированного социалистического реализма к его модификациям времен "оттепели" и далее в прозе А.Синявского (А.Терц), Ю.Даниэля (Н.Аржак), А.Гладилина, В.Аксенова и особенно в "Пушкинском Доме" А.Битова, в альтернативных художественных проектах 1970-80-х годов Вен.Ерофеева, Е.Попова, В.Попова, В.Сорокина, Вик.Ерофеева и др. [См.: 5]. В этом контексте особый интерес представляет так называемая "филологическая проза", являющая собой опыт художественного осмысления практики собственно писательства с филологической точки зрения. К ней можно отнести художественные произведения, написанные известными отечественными литературоведами А.Чудаковым и В.Новиковым, писателями и критиками В.Курицыным, А.Кабаковым, А.Гаррос и т.д. Очевидно, что литературная практика этих авторов заставляет задуматься о сущностной проблеме: о все более усиливающейся тенденции к "сделанности" современного художественного текста¹. Литературовед и/или литературный критик, достаточно хорошо знающий законы построения литературного произведения и владеющий всеми приемами его создания, в состоянии без особого

¹ Как отмечают исследователи, традиция литературного творчества особенно развита среди англоязычной филологической профессуры, успешно сочетающей занятие прозой с литературоведческими изысканиями. Среди самых знаменитых английских писателей-филологов назовем Э.М.Форстера, Д.Р.Р.Толкиена, К.С.Льюиса, Д.Лоджа, Ф.Рота, Д.К.Оутс, Т.Моррисон, Д.Барта [См.: 11].

труда написать "правильный" текст, который привлечет внимание широкого читателя. Самый наглядный пример – это литературная практика известного специалиста по японской литературе, переводчика и литературного критика Г.Чхартишвили, пользующегося огромной популярностью у массового читателя под псевдонимом Б.Акунин [См.: 8]. Впрочем, в контексте интересующих нас проблем можно сослаться на не менее успешные литературные опыты конца 1920-1930-х годов Ю.Н.Тынянова и В.Б.Шкловского, литературные биографии В.Ходасевича и Н.Берберовой. Все это подводит нас непосредственно к вопросу теоретического осмысления проблем метапрозы в отечественном литературоведении и о применимости понятия метапрозаичность к русской литературе.

Наиболее глубокое обоснование возможности анализа феномена саморефлексии в советской литературе как своеобразного явления, существующего в границах метапрозы, предложил известный английский славист Д.Шепард [15]. Российское литературоведение 90-х годов XX – начала XXI века предпринимало попытки рассмотрения позиции Д.Шеппарда в контексте литературоведческой концепции М.М.Бахтина. Укажем, в частности, работы О.Е.Осовского, в которых была дана краткая интерпретация основных положений монографии Д.Шеппарда и его последующих бахтинологических изысканий [7]. В целом на точку зрения Д.Шеппарда в понимании феномена "метапрозы" опираются в своих работах М.Н.Липовецкий и А.Ю.Большакова.

Исследуя теоретико-литературные аспекты метапрозы, Д.Шеппард сводит в едином контексте теорию метапрозы и концепцию романа М.М.Бахтина, представленную в таких работах, как "Слово в романе", "Из предыстории романного слова", "Эпос и роман". Результатом подобного синтеза становится обоснованность авторского рассмотрения существенного корпуса русской литературы 1920-х годов как метапрозы. При этом принципиальной кажется хронологическую открытость рассматриваемого явления, поскольку автор указывает на наличие "метапрозаических элементов" у Ф.М.Достоевского, М.Е.Салтыкова-Щедрина, А.И.Герцена, приемов "автометаописания" в произведениях В.Розанова и др., вплоть до "Пушкинского Дома" А.Битова.

По мнению О.Е.Осовского, "речь здесь идет, скорее всего, о том, что Бахтин в раннем тексте выразительно определил как "кризис авторства", при котором "расшатывается и представляется несущественной самая позиция внаходимости, у автора оспаривается право быть вне жизни и

завершать ее. Начинается разложение всех устойчивых трансгредиентных форм ... жизнь становится понятной и событийно весомой только изнутри, только там, где я переживаю ее как я, в форме отношения к себе самому, в ценностных категориях моего я – д л я с е б я...". Несмотря на то, что Д.Шеппард не приводит этой цитаты, она с наибольшей точностью характеризует имманентные черты исследуемого им явления" [7: 196].

Опираясь на идеи Бахтина о диалоге и полифонии, Д.Шеппард на примере анализа творчества Л.Леонова, М.Шагинян, К.Вагинова и В.Каверина предлагает технологию выявления и описания метапрозаического компонента в советской литературе 1920-х годов. Подтверждением выводов исследователя является и отчетливое осознание современниками-критиками (В.Шкловский, Б.Эйхенбаум и др.) и писателями (Ю.Тынянов, Б.Пильняк, В.Вишневский, В.Каверин) новаторско-экспериментального характера прозы этого периода, что действительно свидетельствует о высокой степени литературной "саморефлексии".

Процеируя предложенную в работе английского слависта технологию на русской словесности конца XX века, позволим себе предположить, что с наименьшей эффективностью она могла бы быть использована при анализе постмодернистского литературного дискурса. Проза А.Битова, В.Пелевина, В.Сорокина, Вик.Ерофеева и др., содержащая в себе элементы метапрозаической саморефлексии (от автобиографии и автоцитирования до автопародии), в полной мере соответствует выделенным на материале русской литературы 20-х годов параметрам и характеристикам метапрозы.

Очевидно и то, что русский литературный эксперимент в прозе 70-90-х годов не возникает на "пустом месте", но отчетливо осознает и даже декларирует свою генетическую связь с литературными поисками 20-х годов, с творческими экспериментами футуристов, имажинистов, конструктивистов, "серапионовых братьев", обэриутов и др.

*****

1. *Большакова А.Ю.* Современные теории жанра в англо-американском литературоведении // Теория литературы: В 4 т. – Т. III. Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении). – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – С.99-130.
2. *Дубин Б.* Слово-письмо-литература. Очерки по социологии современной культуры. – М.: НЛЮ, 2001. – С.20-41.
3. *Западное литературоведение XX века: Энциклопедия.* – М.: INTRADA, 2004. – 560 с.

4. *Липовецкий М.Н.* Метапроза // URL: <http://slovar.lib.ru/dictionary/metaproza.htm> (дата обращения 25.02.2010).
5. *Липовецкий М.* Русский постмодернизм (Очерки исторической поэтики). – Екатеринбург: Урал. гос. пед ун-т, 1997. – 217 с.
6. Литературный энциклопедический словарь / ред. В.М.Кожевников, П.А.Николаев. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.
7. *Осовский О.Е.* Бахтин, метапроза, советская литература // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – 1993. – №2-3. – С.194-198.
8. *Осовский О.Е.* Непростая простота. Страна, читающая "маслит" или не читающая вовсе? // Вопросы литературы. – 2009. – №3. – С.46-69.
9. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. Ред. Н.Д.Тамарченко]. – М.: Изд-во Кулагиной; INTRADA, 2008. – 358 с.
10. *Gass W.* Fiction and the Figures of Life. – N.Y.: Alfred A. Knopf, 1970. – 217 p.
11. *Hutcheon L.* Narcissistic Narrative: The Metafictional Paradox / L. Hutcheon. – N.Y. and L.: Methuen, 1984. – 226 p.
12. *Hutcheon L.* A Theory of Parody: The Teaching of Twentieth-Century Art Forms. – N.Y.; L.: Methuen, 1985. – 312 p.
13. *Hutcheon L.* A Poetics of Postmodernism: History, Theory, Fiction. – L.: Routledge, 1988. – 289 p.
14. *Hutcheon L.* The Politics of Postmodernism. – L.; N.Y.: Routledge, 1989. – 277 p.
15. *Shepherd D.* Beyond metafiction: self-consciousness in Soviet literature. – Oxford: Clarendon press, 1992. – 260 p.
16. *Waugh P.* Metafiction: The Theory and Practice of Self-Conscious Fiction. – L.; N.Y.: Routledge, 1984. – 219 p.

THE PHENOMENON OF META PROSE IN THE CONTEXT OF LITERARY STUDIES OF THE RECENT DECADES

O.O.Osovsky

The article is devoted to the study of meta prose in contemporary Literary Studies. The author analyses different points of view of Russian and foreign scholars, and describes the model of presenting the component of meta prose in fiction.

Key words: meta prose, meta narrative, English-speaking Literary Studies, Post-structuralism.

* * * * *

Осовский Олег Олегович – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Мордовского государственного университета.

E-mail: osovskiy_oleg@mail.ru